

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О ГРАДЕ КИТЕЖЕ ТВОРЧЕСТВЕ М.ГОРЬКОГО И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

© 2010 В.А.Ханов

Нижегородский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 02.07.2009

В статье раскрывается своеобразие художественного воплощения легенды о граде Китеже в творчестве Горького. Устанавливается связь писателя с литературной традицией. Выявляется неоднозначное отношение художника к образу «града взыскуемого».

Ключевые слова: мифология, фольклор, архетипы, град Китеж, литературные традиции, национальный образ мира.

Осмысление творчества М.Горького в контексте фольклорно-мифологического материала, идей и образов русской классической литературы является одним из важнейших направлений в современном горьковедении. По справедливому утверждению Л.А.Спиридоновой, «творчество М.Горького необходимо рассмотреть сквозь призму фольклорно-мифологических и книжных традиций. Именно такой подход позволит выявить связь писателя с национальной духовной культурой и установить генетическую цепочку мифологем, соединяющих между собой прошлое, настоящее и будущее»¹.

В художественном произведении, его «народно-мифологическом слое», всегда функционирует система мифологем, архетипов, включённых в национальный образ мира. Именно с «народно-мифологическим слоем» самым непосредственным образом связано архетипическое содержание произведения. «Причём архетипическим содержанием, – отмечает Е.М.Мелетинский, – чрезвычайно богаты миф, легенда, сказка»². В связи с этим представляется интересной разработка проблемы – интерпретация в творчестве Горького легенды о невидимом граде Китеже. Решение этой проблемы позволит расширить представление о национальном образе мира в творчестве писателя. О граде Китеже Горький упоминает во многих произведениях. В частности, в повести «Фома Гордеев», раскрывая устремлённость мальчика Фомы к счастливой, неведомой жизни, писатель об-

ращается к образу «града взыскуемого». Так, во время плавания по Волге Фома спрашивает отца о Китеже, словно надеясь попасть в праведный город:

- Вот завтра приедем в Астрахань... – сказал однажды Игнат.
- А за ней что?
- Море... Каспийское море называется.
- А что в нём есть?
- Рыба, чудак! Что может в воде быть?
- Город Китеж в воде стоит...
- То – другое дело! То – Китеж... В нём – одни праведники жили.

Примечательно, что в ответе, который даёт Игнат Гордеев сыну, отразились представления раскольников о граде Китеже. В интерпретации хранителей «чистой веры», Китеж стал потаённым уголком, где живут праведники. Тем самым уже в начале повествования Горьким поставлена тема праведности жизни, к чему и будет стремиться Фома Гордеев. Невидимый град Китеж Горький упоминает и в повести «Детство». В ней герой-повествователь приводит легенду о пустынноике Ионе, рассказанную ему бабушкой Акулиной Ивановной. Будучи отроком, Иона судился со своей мачехой Божьим судом. Извела злая мачеха отца Ионушки, утопила его в озере. Господь сурово наказал убийцу, и узнали люди правду-истину. Оправданный Ионушка отправляется в далёкий скит у таинственного Китежа, становится праведником.

Старенький рыбак взял Ионушку
И отвёл его в далёкий скит,
Что на светлой реке Керженце,
Близко невидима града Китежа.

Только человек с чистым сердцем достоин прикоснуться к тайне святых мест. Такова в этой легенде идея финала, вызывающая в сознании известные строчки из Евангелия: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). И здесь, как и в «Фоме Гордееве», упоминание о Китеже связано у Горького с те-

⁰ Ханов Вениамин Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русской словесности. E-mail: vakhanov@mail.ru

¹ Спиридонова Л.А. Мифопоэтическая основа художественного мира Горького // Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. – Нижний Новгород: 2002. – С. 6.

² Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: 1994. – С. 64.

мой чистоты человеческой души. Той чистоты, которую вносит в сердце Алёши Пешкова Акулина Ивановна.

В повести «В людях», создавая образ церкви, Горький снова обращается к таинственному граду Китежу. Тем самым писатель раскрывает мечту автобиографического героя об иной, лишенной «свинцовых мерзостей» жизни. В церкви Алёша Пешков удовлетворяет свою жажду красоты, обретает душевный покой: «Мне нравилось бывать в церквях <...> Всё вокруг гармонично слито с пением хора, всё живёт странною жизнью сказки, вся церковь медленно покачивается, точно люлька, – качается в густой, как смола, тёмной пустоте. Иногда мне казалось, что церковь погружена глубоко в воду озера, спряталась от земли, чтобы жить особенною, ни на что не похожей жизнью. Вероятно, это ощущение было вызвано у меня рассказами бабушки о граде Китеже».

В приведённом тексте Горький не случайно сравнивает храм с градом Китежем. Православная церковь – не просто строение, а явление неба на земле. Здесь соединились земное и небесное, видимое и невидимое, явное и тайное. Во многом это присуще и «взыскуемому граду» Китежу. В изображении Горького сакральный мир, недостижимый и желанный, скрыт от посторонних, нечестивых глаз. Храм, вода, тьма – это реминисценции библейского сотворения мира, потопа, нашего таинственного Китежа. В таких и подобных им образах писатель ведёт нас к самому сокровенному, изначальному. В эти минуты он рядом с тем состоянием, когда, кажется, еще ничего нет: ни времени, ни движения, но вот-вот должно начаться по слову Божьему. По слову доброго Бога Акулины Ивановны, который, по утверждению автора-повествователя, «был самым лучшим и светлым из всего, что окружало» Алёшу Пешкова.

Здесь же, в повести «В людях», Горький вспоминает «певучий, грустный рассказ» Акулины Ивановны о славном граде Китеже. По своей форме этот рассказ напоминает духовный стих. В нём Китеж чудесным образом спасается от разорения во время монголо-татарского нашествия. При приближении «поганой силищи» взмолился «христианский люд» о помощи. Просит он бога Саваофа и Пресвятую Богородицу не дать татарину «святу церковь на глумление, жён, девиц – на посрамление». Хотят благочестивые люди «достоять службу утреню, дослушать Святое Писание». По воле бога Саваофа архангел Михаил погрузил Китеж в озеро. И сейчас там «люди молятся без отдыху, без устали от заутрени до всеобщей».

Благодаря рассказу бабушки Алёша Пешков прикасается к светлому, таинственному. Поэти-

ческая красота легенды настолько очаровала героя-повествователя, что тут же, используя ёмкое, яркое сравнение, он искренне признаётся: «В те годы я был наполнен стихами бабушки, как улей мёдом; кажется, я даже и думал в формах её стихов». Старая китежская легенда в пересказе Акулины Ивановны включает в себя факты, связанные с монголо-татарским нашествием, содержит христианские мотивы, имеет древнеязыческие элементы. В ней исторические события причудливым образом переплетаются с религиозными верованиями. И при всём этом прекрасное поэтическое сказание отличается высоким нравственным содержанием. В нём выражена идея праведности, благочестивости русской души, заключена вера в торжество добра и света. Погрузившийся на дно Светлояра град Китеж предстаёт как некий сокровенный город, становится воплощением коренных интуиций русской духовности.

Высокую нравственность сказания о граде Китеже отмечает известный исследователь народных социально-утопических легенд К.В.Чистов. Он справедливо подчёркивает, что сказание о невидимом Китеже среди других социально-утопических легенд «представляет своеобразное исключение. В отличие от большинства «провалищ», которые обычно изображаются в русских преданиях как результат наказания за безнравственность, кощунство и т.д., Китеж изображается городом, погружённым в озеро и тем самым спасшимся от нашествия. Город продолжает существовать, сохраняя исконную праведность и социальное благополучие»³.

Заметим, что в легенде о невидимом граде Китеже, очевидно, отразились архаичные представления о рае. Большой знаток нижегородской старины П.И.Мельников-Печерский в своё время подчёркивал: «Китеж – это земной рай раскольников, населённый блаженными людьми, не знающими ни холода, ни голода и слушающими пение райских птиц»⁴. По народным представлениям, рай символизируют сад, город, сказочные острова, к примеру, остров Буян, на что указывает А.Н. Афанасьев. «Остров Буян, – пишет исследователь, – поэтическое название весеннего неба <...> Так как весеннее небо есть хранилище тёплых лучей солнца и живой воды, которые дают земле плодородие, одевают её

³ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. – М.: 1967. – С. 321.

⁴ Мельников-Печерский П.И. Отчёт о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. – Нижний Новгород: 1910. – Т. 9. – С. 50.

роскошною зеленью и цветами, то народная фантазия сочетала с ним представление о рае»⁵.

Остров – результат «опредмечивания» семантики слова «рай» – отовсюду огороженное место. Море, океан (=вода) выступает как непреодолимое или трудно преодолимое препятствие. Так, в «Слове о рахманах» рассказывается о «великой реке Океан» и острове, где живут макровии, что значит «блаженные». Они не согрешили Богу, близ рая живут. В литературном памятнике «О земном устройении» (в средневековой Руси это что-то вроде естественнонаучной энциклопедии) рай тоже помещается за океанским источником.

Порой благочестивые места помещаются под землёй. Но в этом случае на «том свете» ничего специфически подземного нет. «Иной мир» предстаёт обычно неким подобием земной жизни. Там вовсе не темно, такая же земля, как здесь: «...вышли они на широкое поле (тоже своеобразное препятствие. – В.Х.) под ясное небо, на том поле великолепный дворец»⁶. Иногда это место описывается как город. Как город предстаёт рай и в легенде о Китеже. Локализуясь на озере Светлояр, град Китеж отделён от «этого света» водным пространством. В сходных преданиях водное пространство может заменяться земным, но всегда оно является непреодолимым препятствием. Имеется, однако, версия, что «Господь укрыл Китеж землёй». И там, под землёй, продолжают жить люди, а под тремя холмами на берегу Светлояра скрыты три церкви Китежа.

Но каковы же истоки сказаний о городах, провалившихся под землю, погрузившихся на дно озёр? Рассматривая этот вопрос, А.Н.Афанасьев пишет: «Существует множество рассказов о целых городах, монастырях и замках, провалившихся под землю, на месте которых образовались глубокие озёра; из их омутов раздаётся по временам колокольный звон и бывают видимы верхушки башен. Звон – метафора громовых раскатов; замки, города, башни – те чудесные здания, которые рисовались воображению древнего человека в грядях летних облаков <...> Все эти суеверные сказания суть только низведённые на землю и приуроченные к известным местностям древнейшие мифы о постройке облачных городов и замков, создаваемых небесными владыками»⁷.

Исследователь А.В.Чернецов отмечает, что «со сказанием о граде Китеже сходны легенды

о фантастических благочестивых царствах, сокровенных местах»⁸. В творчестве Горького своеобразным аналогом «взыскуемого града» Китежа является «праведная земля», о которой в драме «На дне» рассказывает странник Лука. Основной мотив легенды о «праведной земле» – социальная справедливость, душевная чистота: «В той земле – особые люди населяют... Хорошие люди! Друг дружку они уважают, друг дружке помогают... и всё у них славно-хорошо!» Данный мотив позволяет детерминировать рассказ Луки как конкретное бытование «дочерней легенды» о граде Китеже. Основные мотивы легенд подобного типа проецируются и в советах Луки Ваське Пеплу уйти от неблагоприятных жизненных обстоятельств в Сибирь: «А хорошая сторона – Сибирь! Золотая сторона! Кто в силе да в разуме, тому там – как огурцу в парнике!» Всё это соответствует типичной локализации «обетованной земли» в народных легендах о Беловодье, об Опоньском царстве, о «далёких землях» (Даурия, Алтай, китайско-русская граница и т.д.). Мечты Актёра о возрождении, о городе «на краю света» тоже отдельными деталями связаны с мотивами народных легенд о «далёком городе» («город Игната», например, в легендах казаков-некрасовцев). Примечательно, что Сатин в конце второго акта называет Актёра Миклухо-Маклаем. Известно, что с именем русского путешественника было связано бытование вариантов легенд об «ореховых землях», сходных по функциям с народными представлениями о «земле обетованной».

Заметим, что название «ореховые земли» не случайно. По народным представлениям, орешник – священное дерево, оно символизирует рождаемость, плодородие. Исследователь мифологии А.Н.Афанасьев отмечает: «Небесные орехи, подобно яблокам древа жизни, блестят как чистое золото и обладают силою посылать плодородие»⁹. Вот поэтому существовал обычай осыпать новобрачных орехами, как их осыпают хлебным зерном и хмелем.

Обращаясь к образу «града взыскуемого», Горький, разумеется, учитывал опыт художественного освоения легенд о Китеже предшествующими писателями: П.И.Мельниковым-Печерским, В.Г.Короленко и др. В изображении Мельникова-Печерского в романе «В лесах» град Китеж предстаёт как воплощение чистоты и святости русской души, христоробивой, безгрешной: «Цел тот град до сих пор, но не видим. Не видать грешным людям

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М.: 1868. – Т. 2. – С. 132.

⁶ Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: 1986. – С. 281.

⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: ... – С. 631, 659.

⁸ Чернецов А.В. Китеж // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: 1995. – С. 224.

⁹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: ... – С. 319.

славного Китежа. Скрылся он чудесно Божьим повелением... А на озере Светлом Яре тихим летним вечером виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княжеские, дворы посадских людей. И слышится по ночам звон колоколов китежских».

В художественном освоении легенды о Китеже М.Горький близок в определённой степени и В.Г.Короленко. К легенде о невидимом граде Китеже, породившей множество «дочерних» легенд, Короленко обращается в очерках «В пустынных местах». В них автор-повествователь даёт оценку сути сказания: «Много наивного чувства, мало живой мысли... Град взыскуемый, Великий Китеж – это город прошлого. Старинный город со стенами, башнями и бойницами, с боярскими хоромами, с теремами купцов, с лачугами простого, «подлого народа». Бояре в нём правят и емлют дани, купцы ставят перед иконами воску-яровые свечи и одевают нищую братию, чернядь смиренно повинуются и приемлет милости с благодарными молитвами».

По справедливому утверждению исследователя В.Г.Ермушкина, «Короленко верно определил утопизм и архаичность народных представлений об идеальном обществе, поняв противоречивость и ограниченность народных философских исканий»¹⁰. Вместе с тем следует заметить, что извечное стремление народа к «граду взыскуемому» содержит в себе и позитивный момент. В размышлениях Короленко легенда о граде Китеже в гносеологическом отношении сближается с «интеллигентскими запросами»: «Есть что-то умиленное и для нас в этой легенде... Многие из нас, давно покинувших тропы стародавнего Китежа, – всё-таки ищут так же страстно своего «града взыскуемого». И даже порой слышат призывные звоны. И, очнувшись, видят себя опять в глухом лесу, а кругом холмы, кочки да болота». Устанавливая аналогию иллюзий народа и народолюбивой интеллигенции, Короленко в старообрядческой религиозной легенде сумел почувствовать мечту народа о социальной справедливости. С особой яркостью эта мечта раскрыта писателем в очерках «У казаков», в которых речь идёт о поисках «Беловодского царства», где «нет обману, грабежу, убийства и лжи нет, но во всех – едино сердце и едина любовь». Однако в итоге Короленко приходит к неутешительным выводам относительно прогрессивного потенциала демократической массы. В одном из писем Горькому он с грустью замечает, что в ответ на

репрессии самодержавной бюрократии «наиболее даровитая часть народа вздыхает о прошлом и мечется, отыскивая фантастические беловодские царства и вольные, никем не занятые земли»¹¹.

Иное дело Горький. В его драме «На дне» странник Лука не вздыхает о прошлом, а побуждает к поискам лучшей жизни, к возрождению. Он исходит из веры в позитивные возможности народной мысли. Так, в разговоре с Пеплом Лука заявляет: «Всё ищут люди, всё хотят – как лучше <...> Они найдут! Кто ищет – найдёт!». Перспективу перехода от иллюзорных мечтаний к реальным действиям Горький изобразил в пьесах «Мещане», «Враги», в романе «Мать», повести «Лето». В пьесе «Мещане» писатель проводит мысль о том, что поиски «праведной земли», поиски готового счастья бессмысленны. Об этом, цитируя Г.Гейне, заявляет Тетерев:

Солнца, счастья шёл искать...
Наг и бос вернулся вспять,
И бельё и упованья
Истаскал в своём скитанье.

Поэтому «праведную землю» нужно не искать, а создавать – вот в чём смысл человеческого существования. В романе «Мать» о царстве справедливости с наибольшей страстью говорит Андрей Находка, «в речах которого звучала сказка о будущем празднике для всех на земле». Герои «Матери» мыслят «праведную землю» как реально достижимое, результат человеческого деяния, а не как уже существующее. Мотив «земли обетованной» различимо звучит и в финале повести «Лето». Герой-рассказчик говорит о солдатах, которые молча слушают «сказку о неведомой им щедрой земле <...> Идут всё быстрее, точно сегодня же хотят достичь той сказочной, желанной земли». Щедрая земля, которую представляют себе солдаты, на самом деле находится не где-то в недостижимой дали. Её можно, необходимо создать. В «разработке» темы «земли обетованной» у Горького явно усиливается оптимизм, ибо он видит воскресение народа. Радостными словами завершается повесть: «С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!». Проявляя особый интерес к легендам о «праведной земле», Горький подчёркивал, что искания «земли обетованной», «искания «Опоньского царства» – исконно русское дело, на нём тысячи наших дон-Кихотов свихнули свои мозги, разбили сердца... Это – национальная болезнь, нечто историческое и неотъемлемо присущее нам»¹². «Опоньским» (от опона –

¹⁰ Ермушкин В.Г. Народные социально-утопические идеалы в творчестве М.Горького и В.Г.Короленко // Проблема традиций и новаторства в русской и советской прозе и поэзии. – Горький: 1987. – С. 31.

¹¹ М.Горький и В.Короленко. Сборник материалов. – М.: 1957. – С. 68.

противник) среди бегунов называлось мифическое царство, где нерушимо сохранилась старая вера. «Опоньское» царство – своеобразный аналог взыскуемого града Китежа. Утверждал писатель и то, что «мы не верим в возможность хорошей жизни на земле и отсюда бегство от жизни в леса и пустыни»¹³. В то же время он хорошо осознавал, что «пустынное житьё» есть своеобразный протест против бесчеловечной действительности. При всём неприятии «бегства от жизни» позиция Горького по отношению к поискам «земли обетованной» была далеко не однозначной. «Исконное русское дело, – отмечал он, – тема опасная, требует напряжённого внимания... отнюдь не клоунада». Писатель подчёркивает, что «из-за этого искания мы... безжизненны с европейской точки зрения»¹⁴.

Исходя из приведённых высказываний, можно сделать вывод, что Горький отрицал форму протеста, но не сам протест, направленность поисков, но не сами поиски. Писатель осознавал духовную притягательность легенды о граде Китеже и сходных с нею сказаний. К образу «града взыскуемого» он обращался в тех случаях, когда ему необходимо было раскрыть чистоту души изображаемых героев, показать их устремлённость к красоте и праведно-

сти. В интерпретации писателя Китеж предстаёт как некий сокровенный город, воплощающий идею добра и справедливости. В то же время Горький хорошо осознавал, что выраженные в легенде упования на милость Божию связаны с отказом от социальной активности и уводят человека в мир грёз и фантазий. Невидимый Китеж бытовал в народном сознании, не требуя никакой аргументации, лишь в силу безоглядной убеждённости в его существовании.

Но упования на милость Божию никогда не прельщали Горького. В его интерпретации легенда о граде Китеже наполняется оптимистическим содержанием. Писатель побуждает не к поиску, а к созданию «града взыскуемого». Рай на земле, «праведную землю» нужно не искать, а создавать. Вот в чём, по мысли художника, заключается смысл человеческого бытия. Горький верит в талантливость русского народа, надеется на его социальную активность, видит его глубокую связь с духовным опытом предшествующих поколений.

¹² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. – М.: 1955. – Т. 29. – С. 124.

¹³ Там же. – С. 221.

¹⁴ Там же. – С. 124.

LEGEND OF KITEZH-TOWN IN M. GORKY'S WORKS: ARTISTIC EMBODIMENT AND LITERARY TRADITION

© 2010 V.A.Khanov^o

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The article reveals the peculiarity of the artistic embodiment of the Kitezh-town legend in Gorky's works. The writer's connection with the literary tradition is shown. The author describes the artist's ambiguous attitude to the image of «a levied town».

Key words: mythology, folklore, archetype, Kitezh-town, literary traditions, national image of the world.

^o Khanov Veniamin Anatolievich, Cand. Sc. in Philology, Associate professor of the department of Theory and methods of teaching Russian philology. E-mail: vakhanoz@mail.ru